

К ЮБИЛЕЮ КУМАРСКОЙ БИТВЫ 1655 ГОДА

ШВЕДОВ В.Г.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток
i-svg@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается одно из ключевых событий становления России в качестве тихоокеанской страны – Кумарская битва, произошедшая в марте–апреле 1655 г. в устье правого притока Среднего Амура – реки Кумары (современная Хумархэ). Рассмотрена территориально-политическая ситуация накануне этого события и совокупность его предпосылок, причины столкновения геополитических интересов России и Империи Цин в Приамурском регионе. Охарактеризована личность командира землепроходцев – Онуфрия Степанова как талантливого военачальника и политического деятеля. Приведен анализ условий проведения Кумарской битвы с физико- и военно-географических позиций. Уделено внимание описанию материально-технического состояния отряда землепроходцев и морально-психологической мотивации их поведения в сражении с превосходящими силами противника. Реконструкция фортификационных укреплений Кумарской крепости, штурмового оснащения маньчжурского войска и непосредственно самого хода битвы проведена на документальной основе – личного отчета Онуфрия Степанова якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому. Дана оценка военного, территориального и геополитического результатов победы, одержанной над армейским корпусом Империи Цин. Приведены факты, позволяющие рассматривать Кумарскую битву как феноменальное событие, ставшее возможным благодаря выдающимся полководческим данным Онуфрия Степанова. Приведено краткое описание его дальнейшей разносторонней деятельности по укреплению российской государственности в Приамурье вплоть до гибели в 1658 г. на Амуре. Кумарская битва представлена как одно из ключевых геополитических событий в регионе в XVII в., которое повлияло на дальнейший ход и характер геополитических отношений России и Империи Цин, сыграло видную роль в развитии их дальнейшего военного противостояния и дипломатического взаимодействия.

Ключевые слова: Приамурский регион, Империя Цин, геополитические интересы, Кумарская битва, российская государственность.

BY THE ANNIVERSARY OF THE KUMAR BATTLE OF 1655

SHVEDOV V.G.

Pacific Geographical Institute of FEB RAS, Vladivostok
i-svg@yandex.ru

Abstract. The article is concerned with one of the key events of establishing Russia as the Pacific country – Kumar battle – taking place in March–April, 1655, in the mouth of the right tributary of the Middle Amur – Kumar River (current Humarhe). The territorial-political situation shortly before this event and totality of its prerequisites and reasons of collision of the geopolitical interests of Russia and Qing Empire in the Amur region was considered. A person of the leader of pioneers – Onufriy Stepanov – as the talented military leader and politician was characterized. An analysis of the Kumar battle conditions from the physico- and military-geographical standpoint was given. The attention was paid to description of the material-and-technical condition of the detachment of pioneers and moral-psychological motivation of their behavior in the battle against the numerically superior enemy. A reconstruction of the fortifications of the Kumar fortress, attack arming of the Manchu forces and the course of battle was carried out on the base of documental data – personal report of Onufriy Stepanov to the Yakut war leader Mikhail Ladyzhensky. An estimate of the military, territorial

and geopolitical results of the victory gained over the army corps of the Qing Empire was given. The facts allowing to consider the Kumar battle as the phenomenal event made possible by the extraordinary captainship of Onufriy Stepanov were mentioned. A brief description of his further all-round activity on the consolidation of the Russian statehood in Amur region down to his death in 1658 on the Amur River is given. The Kumar battle is presented as one of the key geopolitical events in the region in the XVII century which has influenced on the further course and character of the geopolitical relations of Russia and Qing Empire and taken on the noticeable part in development of their further military confrontation and diplomatic interaction.

Key words: Amur region, Qing Empire, geopolitical interests, Kumar battle, Russian statehood.

Введение

В марте – апреле 2020 г. исполняется 365 лет такому знаковому для российского Дальнего Востока событию, как Кумарская битва. В свое время она наложила отпечаток на характер и ход отношений двух крупнейших стран Евразии – Русского государства и Империи Цин, имела широкий отклик в российском обществе. Но затем память о ней в силу различных, подчас весьма различных причин была в значительной степени утрачена. В настоящее время об этом сражении осведомлен лишь узкий круг профессионалов, изучающих прошлое Дальнего Востока, и немногочисленных популяризаторов землепроходческого движения. Между тем оно, с одной стороны, явилось заметным эпизодом в процессе становлении России как тихоокеанской державы, а с другой – представляет собой один из ярких примеров патриотизма и служения Родине.

Предпосылки Кумарской битвы созрели в формате той геополитической проблематики, которая в середине XVII в. сложилась в бассейне Амура. К этому времени автохтонная государственность здесь отсутствовала. То есть по имевшимся тогда международно-правовым понятиям эта территория была «ничейной». Этносы, занимавшие верхнее (конные тунгусы) и среднее (дауры, дючеры) Приамурье имели слабо интегрированные племенные союзы. Жители нижнего Приамурья – гольды (нанайцы) и гиляки (нивхи) находились на родовой стадии организации [1]. Обстановка в регионе была беспокойной: ее определяющим фоном являлись частые внутри- и межэтнические конфликты [2]

До середины XVII в. контакты региона с окружающим миром нельзя назвать активными. Его внешний периметр представлял собой «зону» набеговой активности. Если нападения монголов с западного направления жители Приамурья в основном успешно отражали, то агрессивная инфильтрация тунгусских (эвенкийских) кланов из-за Станового хребта оказалась вполне успешной – к XVII в. тунгусы контролировали значительные, хотя и разрозненные территории вдоль верхнего и среднего Амура [3]. В свою очередь, гиляки осуществляли экспансию на Сахалин, преодолевая упорное сопротивление айнов [4].

На юге, в бассейне Сунгари в 1616 г. возродилась чжурчжэньская Империя Цзинь. Ее разведчики проникали к среднему течению Амура. Но «дикие» северные земли не интересовали чжурчжэней, поставивших перед собой геополитическую сверхзадачу – завоевание Китая. Ради ее достижения расплытие сил было нецелесообразно. К 1640 г. Империя Цзинь сменила название на Цин, чжурчжэни переименовались в маньчжуров и стянули все силы к китайской границе. В 1644 г. началось, потребовав концентрацию всех усилий и внимания, их нашествие на Китай. Но тогда же Приамурье стало объектом внимания другой страны – России.

Ее интерес к этому региону обусловил дефицит хлеба в Сибири, ставшей тогда основным поставщиком экспортной выручки казны от продажи мехов и моржовых клыков [5]. Экспедиция В. Пояркова (1643–1645 гг.) имела «чисто» первооткрывательский результат – она вышла к Амуру и подтвердила наличие в его долине пахотных земель.

Поход Е. Хабарова (1649–1653 гг.) протекал в иных условиях. Силой оружия и убеждения он утвердил в Приамурье российскую государственность, приведя к подданству все местные племена. Одновременно здесь разгорелся конфликт с Империей Цин. Ее острая реакция на события в ранее не интересном для нее регионе объяснялась опасением продвижения русских в бассейн Сунгари – коренные владения маньчжуров. Переговоры

Хабарова с имперскими послами в 1651 г., на которых он предложил мирно провести межгосударственное размежевание в Приамурье, положительного результата не дали, и в 1652 г. на нижнем Амуре состоялась Ачанская битва, в которой маньчжуры неожиданно для себя потерпели поражение.

Несмотря на очевидность факта, что Империя Цин не смирится со сложившейся ситуацией и теперь станет наращивать силы в Приамурье, Хабаров был смещен и отправлен в Москву. Дальнейшая судьба российского присутствия в регионе теперь находилась в руках «Государева приказного человека» Онуфрия Степанова.

Материалы и методы

При написании статьи использовались фактические данные из тематических научных источников, документы XVII столетия, материалы полевых исследований. Были применены методы – фактологический, источниковый, реконструктивный, территориального анализа.

Обсуждение результатов

Сведения о биографии Онуфрия Степанова практически отсутствуют. Известно, что он находился в подкреплении, которое привел на Амур Хабаров в октябре 1650 г. При первом приближении это позволяет полагать, что Степанов представлял собой одного из рядовых землепроходцев, который затем выдвинулся благодаря случаю. Но факты ставят это умозаключение под сомнение.

Косвенные указания на принадлежность Степанова к простолюдинам имеются в его «Отписках». Обращаясь к якутскому воеводе, он «челом бьет», он именуется «холопом Государя» и употребляет пренебрежительную форму своего имени – «Онофейко». Но в данном случае Степанов использует нормативные обороты своего времени, бывшие в XVII в. в официальной переписке протокольным стилем.

Говоря об этике отношений XVII в., нельзя не упомянуть связанный с ними интересный факт. 15 марта 1655 г. Степанову было направлено письмо от царя Алексея Михайловича. Это была неслыханная честь для командира землепроходческого отряда. Примечательно, что в этом послании монарх прописывает имя Степанова не в уменьшительно-пренебрежительной форме, а полностью («Онофрей») и с фамилией. Что стало причиной подобной вежливости со стороны царя – неизвестно.

В качестве другого доказательства простонародного происхождения Степанова указывается его прозвище – Кузнец. Но таковые у землепроходцев нередко были образными. Слово «Ермак» означало «Котел», хотя он вовсе не был поваром. Хабарова именовали «Святицким», но к духовному сословию тот не принадлежал.

Современники отмечали личное мастерство Степанова в рукопашном бою. Значит, прозвище «Кузнец» могло указывать не на «профессиональное» прошлое, а на умение наносить молниеносные удары. Их постановка требовала много времени и большой практики. И тем, и другим заурядный простолюдин не обладал. Это указывает на военный опыт человека. Впрочем, им мог обладать выходец из стрелецкой или казачьей среды. Значит, делать выводы на основании лишь данной характеристики Степанова не стоит. Но его загадки этим не исчерпываются.

В отряде Хабарова он командовал артиллерией, что требовало особых знаний. Действия Степанова отличались ясным стратегическим мышлением, тактическим мастерством, умением вести разнообразные по типу воинские операции.

В 1656 г. в виду резкого обострения обстановки в Приамурье сюда был направлен для подкрепления знаменитый землепроходческий командир Петр Бекетов. Но, несмотря на

преклонный возраст, боевой опыт, авторитет [6] и, что немаловажно, титул сына боярского, этот прославленный человек безоговорочно принял командование Степанова.

Эти сведения позволяют увидеть личность, имевшую разностороннюю военную подготовку, обладавшую определенным общественным «весом». Отсюда возникает соблазн «возведения» Степанова в элитное сословие. Но в списках знати фамилия «Степанов» не фигурирует. Поэтому, избегая домыслов, отметим – его загадка теперь уже вряд ли когда-либо будет разрешена.

Степанов вступил в должность «Государева приказного человека» 15 сентября 1653 г. Царская инструкция предписывала ему вести себя относительно принявших подданство аборигенов следующим образом: «[Чтобы. – Авт.] войною не разоряли и не грабили их и не побивали ... и не крестили, а наш ясак збирали с них ласкою и приветом, а не жесточью» [цит. по: 7]. Но ситуация в Приамурье была острой. Это обусловилось как связанным с удалением Хабарова оживлением антироссийских настроений среди аборигенов, так и очевидностью маньчжурской угрозы.

Под командованием Степанова было около 500 казаков – отряд, ранее собранный Хабаровым. С ними он в сентябре 1653 г. и апреле 1654 г. выступил против наиболее агрессивно настроенных дючеров. В итоге те сочли за благо уйти на юг, под защиту маньчжуров [8]. Во время второго из этих походов Степанов уничтожил маньчжурский военный лагерь в низовьях Сунгари. Наличие этого укрепленного пункта служило доказательством подготовки маньчжуров к крупному наступлению. Сил для отражения грядущего вторжения у Степанова явно не хватало. Поэтому он принял решение дать неприятелю бой, но в таком «крепком» месте, которое могло лишить его преимущества в численности.

Следуя этому выбору, степановский отряд 2 ноября 1654 г. вошел в устье правого притока Среднего Амура – небольшой реки Кумары (Хумархэ). В территориальной структуре регионального театра боевых действий XVII в. это место занимало особое положение. Еще в 1651 г. оно было правильно оценено Хабаровым, который возвел здесь Кумарский (Комарский) острог.

Это укрепление позволяло контролировать движение по амурскому руслу и запирало Хинганское «горло» – понижение между хребтами Большого и Малого Хингана, следуя по которому противник кратчайшим маршрутом выходил к Амуру. Удерживая Кумарский острог, можно было блокировать неприятельское наступление сразу по двум оптимальным для него направлениям.

Очевидно, что укрепление, возведенное в свое время Хабаровым в устье Кумары, имело стандартный тип – ров, бревенчатые частокол и сторожевые вышки. Против маньчжурской армии эта защитная система была недостаточна. Поэтому в устье Кумары начались фортификационные работы. Завершились они к середине декабря. Теперь оставалось ждать инициативы неприятеля.

Противник вошел в Хинганское «горло» в феврале 1655 г. Его вел генерал Минъандали, выбравший для удара наиболее подходящее время и направление. Межгорное понижение вело его прямо к скованному льдом Амуру, переход которого позволял сходу атаковать поселения русских поселенцев на левом берегу.

Корпус Минъандали имел вполне конкретное обозначение – «тьма». То есть согласно армейскому расписанию своего времени насчитывал 10 тыс. человек. Для Приамурья середины XVII в. эта группировка была огромна. Перед ней стояла задача полной «зачистки» Приамурья от русских. Корпус, кроме маньчжурских, составляли китайские, монгольские, даурские и дючерские соединения. Их численное соотношение неизвестно, но каждое из них выполняло свои задачи.

Маньжуры, разумеется, формировали офицерский состав и штабное охранение, а также подразделения, выполнявшие функции контроля за неманьчжурскими частями и атаки на врага в решающие моменты сражений. Скорее всего, артиллеристы корпуса тоже были маньжурами.

Китайцы составляли пехоту, предназначенную для основного «расхода» в боях. На их же плечи ложились заботы об обустройстве лагеря и обоза, по уходу за осадным и штурмовым снаряжением. Следовательно, китайская пехота составляла большую часть корпуса. Но ее не следует рассматривать как самостоятельный субъект событий. Командовали ею маньчжуры, сражалась она за маньчжурские интересы. В частности, и до, и после этого события все боевые действия против русских в Приамурье трактовались Империей Цин как защита от внешнего вторжения «Священной земли предков маньчжурского народа» [9]. Об интересах китайского народа речь с ее стороны не шла.

Учитывая, что главной задачей корпуса было взятие двух укрепленных пунктов – Кумарского, а затем и располагавшегося выше по Амуру Албазинского острогов, можно утверждать, что монгольский компонент был в нем невелик. Скорее всего, это были вспомогательные подразделения, предназначенные для разведки и карательных действий против гражданского населения.

Участие дауров и дючеров было в основном представительским. Их силовой потенциал подорвала борьба с землепроходцами в предыдущие годы. Особенно велики были воинские потери дючеров. Но дауро-дючерская составляющая, представители которой прекрасно знали родные для них условия Приамурья, усиливала разведывательные возможности корпуса. Кроме того, в сражениях можно было умело использовать высокий уровень антирусских настроений дючеров.

Маньчжурское войско не имело недостатка в военно-техническом оснащении. Степанов перечислял его осадную и штурмовую экипировку: «щиты у них были на арбах, а те арбы были на колесах, и щиты деревянные, кожами поволочены, ... а на тех арбах были лестницы, а по конец лестниц колеса, а на другом конце гвозди железные и палки, и на тех арбах привязаны были дрова, и смоле, и солома для зажегу, и острог у них копейчатый был же ... и всякие приступные премудрости» [цит. по: 10]. В этом описании угадываются осадные щиты на колесах, лестницы с приспособлениями для закрепления на гребне крепостной стены и подвижное полевое укрепление вагонного типа («острог копейчатый»).

С помощью этих средств можно было приблизиться к острогу и начать штурм. Но перед этим желательно было нанести максимальный ущерб стенам. Для этого противник располагал зажигательными материалами и средствами их доставки – Степанов упоминает «огненные стрелы». Но применить их было не просто. Для этого пришлось бы войти в зону прицельной стрельбы защитников острога. Кроме того, русские могли пропитать стены водой. Миньандали намеревался решить проблему разрушения стен современными средствами – у него было 15 пушек.

К началу Кумарской битвы маньчжуры уже овладели артиллерией и способами ее применения в сражениях. При завоевании Китая они столкнулись с архаичными китайскими орудиями «хун-и пао», которые уместно назвать «пороховыми хлопущками». Они в основном имели эффект психического воздействия на противника, ранее не имевшего дела с огнестрельным оружием, а их убойная сила была ниже всякой критики. Но в китайских портах маньчжуры вступили в контакты с европейцами. Последние, ища расположения завоевателей, ознакомили их со своими орудиями и их разрушительными возможностями. Вскоре в маньчжурской армии появились соответствующе оснащенные артиллерийские подразделения. Поэтому зная, что русские являются серьезным и, к тому же, знающим «огненный бой» противником, пугать которого безобидной пальбой бессмысленно, имперское командование снабдило Миньандали современным по тому времени артиллерийским парком.

В распоряжении Степанова были 510 человек и три орудия. Сопоставив этот потенциал с силовыми возможностями врага, следовало принимать одно очевидное решение – отступить. Но этого не произошло.

С военно-географической точки зрения, позиция на Кумаре была безупречной. Острог стоял на возвышении при слиянии двух рек, которые летом служили естественной преградой, а зимой их замерзшие русла простреливались. Но это имело значение при нор-

мальном соотношения сил в оборонительном сражении – один защищающийся против 5–7 нападающих. Под Кумарой оно выглядело как 1 : 20. К тому же противник обладал превосходством в тяжелом вооружении: на один пушечный ствол у казаков приходилось пять у маньчжуров. Почему оказавшийся в таких условиях Степанов не отступил? Рассмотрим мотивы столь нелогичного решения.

В первую очередь, нужно отказаться от взгляда на землепроходческих командиров как на «залихватские» личности, спонтанно бродившие в поисках добычи. Разумеется, идеализировать их не следует. В землепроходчестве имели место все, в том числе и негативные издержки покорения новых земель, а его лидеры имели разные моральные качества. Но следует понимать, что это были государственные люди, решавшие поставленные от имени страны задачи. Они не щадили себя ради их выполнения и вполне осознавали свою миссию. Поэтому, собственно, их имена и вошли в историю. И если Степанову была поручена оборона Приамурья, то он с полной отдачей выполнял это поручение.

Далее следует коснуться эмоционально-психического фактора. Его нельзя игнорировать как минимум по двум причинам. Во-первых, поступки совершаются конкретными людьми с их личностными установками, и в этой связи опрометчиво полагать, что Степанов и его люди не были отважны, не привыкли рисковать. Во-вторых, различные стороны группового мировоззрения, моральных установок всегда играют определяющую роль в поведении коллективов. При этом не имеет значения, понимаем ли мы в настоящее время «механизмы» мотивации их действий в прошлые эпохи или нет, кажутся ли они нам серьезными или смехотворными. Люди в своих поступках руководствуются нормам своего времени.

Добровольно вступив на путь ратного ремесла и следуя его традиции, Степанов и его люди не могли бросить на произвол судьбы то гражданское население, для которого их отряд служил единственной защитой и буквально из рук которого они кормились. Для них психологически легче было с честью погибнуть.

Огромное значение имела и та сторона мировосприятия, которую позже стали именовать «религиозным фанатизмом». Отступить от принесенной на кресте клятвы верности Государю и Отечеству было немислимо. Нарушив ее, можно было спасти тело, но погубить душу. На это мало кто из живших в XVII в. решился бы даже перед лицом самой страшной угрозы своей жизни.

Среди степановцев царила атмосфера жертвенной готовности принять бой за веру, уверенности в том, что их дело угодно Высшим силам. Известно, что задолго до битвы они постились и усилено молились. Во время сражения многим из них было явление образов Святого Спаса и Богородицы, которые наводили, по их словам, на маньчжуров «ужас и трепет». Это состояние было направлено в нужное русло. В отряде не наблюдалось нервных срывов, неуправляемых поступков. Напротив, люди Степанова были настроены решительно – никто из них, четко осознавая свое положение, не дезертировал ни до начала, ни во время сражения.

Огромную уверенность отряду придавали результаты проделанной накануне битвы работы. Кумарский острог превратился в совсем нетипичный для Приамурья XVII в. фортификационный пункт: «Острог ... был поставлен на валу стоячий, а по углам вывожены были быки ... а круг того острожка копан ров .. в ... сажень печатную, а ров в ширину две сажени, а круг того рва бит чеснок деревянный, а круг того чесноку деревянного бит чеснок железный стрельной опотайный ... А в остроге были исподний и верхний бои, а внутрь острожной стены засыпали хрящом ... от пушечного боя ... да в острожке был срублен раскат, и с того раската били мы ... по тому богдойскому войску» [цит. по: 10]. То есть была возведена двойная бревенчатая стена, набитая внутри смесью дробленого камня с землей («хрящем»), с башнями («быками»), двумя (верхним и нижним) рядами бойниц. Изнутри она усиливалась подпорным земляным скатом. Кроме того, имелся многослойный пояс внешних защитных сооружений. Это был ров, по внешнему периметру которого шел пояс врытых в землю деревянных «ежей» из заостренных кольев («деревянный

чеснок»), пространство между которыми было засыпано стальными шариками с шипами («чеснок опотайный»).

Кумарский острог превратился в настоящую крепость. Ее инженерное усиление было осуществлено за два неполных месяца (ноябрь и декабрь) 1654 г. Известна дата начала работ – 2 ноября, которые закончились к тому времени, когда уже приходилось «сечь мерзлую землю».

Итак, Миньгандали двигался по Хинганскому «горлу». Но его закрывала Кумарская крепость. А внешнее спокойствие ее защитников внушало мысль, что разведка занизила их численность. По зрелому размышлению, Миньгандали остановил движение корпуса для выяснения обстановки. Тем временем амурский лед стал ненадежным для прохождения большой массы войск с тяжелым вооружением. Операция, задуманная как стремительный и сокрушительный удар, провалилась. Оправдать эту неудачу можно было, лишь взяв Кумарскую крепость.

Маньчжуры подошли к ней 13 марта 1655 г. Вне стен была застигнута группа из 20 степановцев. Они были окружены и начали отбиваться. Степанов организовал вылазку, что позволило им прорваться к крепости. Неприятель понес серьезные потери: «и тех же богдойских людей побивали» [цит. по: 10].

Эта стычка показала настрой осажденных. Начались переговоры. Степанову и его людям предлагалась капитуляция. Ответом был отказ. На все эти события потребовались два–три дня. С 15–16 по 23 марта маньчжуры бомбардировали крепость «всякий день и ночь», т.е. круглосуточно. Позже осажденные собрали внутри крепости и вокруг нее 350 ядер. При этом на каждое найденное ядро приходилось как минимум одно необнаруженное. Следовательно, за сутки по острогу производилось 80–100 выстрелов, т.е. плотность огня для XVII в. была достаточно высокая. Но обстрел оказался неэффективным – стены крепости устояли.

24 марта Миньгандали отдал приказ о штурме. Пехота «со все четыре стороны» приблизилась к первой линии обороны (заграждениям из деревянного и россыпям железного «чеснока») и завязла на ней под плотным огнем степановцев. Подойти к стенам ей не удалось. Тогда Миньгандали, видимо, решил использовать численное превосходство, введя в бой все пешие резервы. Это привело к тому, что солдаты сгрудились под огнем вдоль внешнего заграждения, подразделения смешались, боевое управление было потеряно. Такой момент не ускользнул от внимания Степанова. И пока противник не навел порядка в своих рядах, он предпринял вылазку. Его люди атаковали потерявшую стройность построения и деморализованную неудачей вражескую пехоту. Противник начал беспорядочное отступление к своему лагерю.

Сумятица, возникшая в стесненном пространстве, и разноязычие личного состава, которое в критический момент боя сыграло роковую роль (находившиеся в состоянии стресса китайские солдаты перестали понимать команды офицеров-маньчжуров), не позволили маньчжурскому войску реализовать свой численный перевес. Степановцы ворвались в лагерь, уничтожили часть «приступных мудростей», захватили две пушки и пленных. Эта контратака положила конец штурму. Русские отошли в крепость, маньчжуры начали приводить себя в порядок.

Новых активных действий Миньгандали не предпринимал. Самое очевидное тому объяснение – тяжелые потери, понесенные 24 марта.

Маньчжуры без особой цели простояли под Кумарской крепостью до 3 апреля 1655 г. На следующий день Миньгандали скоординировал отступление. Выглядело оно странно. Маньчжуры покинули позицию, придав огню уцелевшие осадные приспособления. Они «пометали ... в воду» свою «куяшную одежду», т.е. тяжелые доспехи. Наконец, в трофеях у степановцев после их отхода оказались еще 30 пудов пороха и 730 неиспользованных противником ядер.

Из всего этого более или менее ясно одно – сожжение осадных приспособлений, которые могли стать обузой на обратном пути. Фактам утопления доспехов и завладения

казаками пороха и ядер логичного объяснения нет. Потеря дорогостоящего воинского снаряжения и боеприпасов при отходе в боевом порядке немислимы – их утрата предполагает самую серьезную ответственность. Маньчжуры не могли просто так бросить в реку доспехи и подарить Степанову порох и ядра. В этой связи возникают два предположения.

Во-первых, корпус Миньандали мог оказаться в таких условиях, что ему ради возможности осуществления отхода от Кумарской крепости пришлось «откупаться» от казаков. Но более вероятно, что 4 апреля состоялась еще одна, почему-то неупомянутая в «Отписках» вылазка. Тогда в колонне отступавших объектом внимания Степанова могли стали повозки с порохом и ядрами. При этом нападение оказалось столь неожиданным, что обозные солдаты в замешательстве принялись уничтожать иную ценную материальную часть войска – складированные перед маршем на телеги тяжелые доспехи.

Итак, Степанов отстоял вверенную ему крепость. Поле боя осталось за русскими. Их потери, судя по всему, оказались незначительны. По всем канонам войны победа была полной и несомненной.

Для своего времени она стала знаковой. Ею Россия утвердила право на территориально-политическое присутствие в Приамурье. Поэтому, на первый взгляд, удивительно, что подвиг Степанова и его людей не был отмечен наградами. Но знание общей политической обстановки того времени рассеивает недоумение.

Россия тогда воевала с Польшей. Одновременно зрела кампания против Швеции. В таких условиях победное сражение на дальней окраине с практически неведомым противником не представлялось в Москве событием, заслуживающим немедленной адекватной оценки. Но в народе на этот счет преобладала иная точка зрения. До конца XVIII в. за Уралом была популярна песня «Во Сибирской во украине, во Даурской стороне», рассказывавшая о героях Кумары.

Победа позволила Степанову продолжать дело укрепления российской государственности в Приамурье. В 1655 г. он открыл правый приток Амура – Уссури, по которой проследовал до впадения в нее Большой Уссурки [расчёт по: 11]. В 1665 г. им, предположительно на территории будущей ЕАО, близ современного Хабаровска был основан Косогорский острог [12], в котором размещался отряд численностью в 1 тыс. человек. Наконец, в 1657 г. он установил пограничные знаки русского государства в районе современного города Цзямусы на Сунгари [13, 14]. Но его судьба сложилась трагически – 30 июня 1658 г. отряд Степанова попал в маньчжурскую засаду на Амуре у объекта, носившего название Корчеева лука. Обеспечив прорыв своих людей, отважный командир погиб [15].

Это событие вызвало значительный резонанс. В лице Степанова Россия потеряла в Приамурье талантливого деятеля, который стал инициатором впервые проведенной официальной разметки крайнего юго-восточного рубежа России. Он показал себя выдающимся военачальником, одержавшим ряд блестящих побед над антироссийскими силами в Приамурском регионе. В их ряду особенно значимой была Кумарская битва. Русские дипломаты дважды напоминали о ее исходе маньчжурам. В 1676 г. находившийся в Пекине Н. Спафарий в ответ на угрозу войны заявил: «Ведают ли они [цинские политики. – Авт.] и сами, как осадили Комарский острог, и что взяли? А мы ... бою их не боимся» [цит. по: 16, С. 99]. Вслед за тем, в 1689 г. на переговорах в Нерчинске Ф. Головин одним лишь упоминанием о Кумарской битве охладил воинственный пыл маньчжурской делегации.

Заключение

В целом Кумарская битва стала важным звеном общего процесса формирования государственного пространства России на тихоокеанском направлении. Восстанавливая утраченные во время Смуты начала XVIIв. свои геополитические позиции, страна видела в этом векторе продвижения важный потенциал расширения своей территории, ресурсной базы, установления новых торговых и дипломатических связей. Его развитие было предметом внимания высшей власти страны.

Сражение на р. Кумаре воочию продемонстрировало маньчжурской Империи Цин, что она не является единоличным гегемоном в Северо-Восточной Азии, и учет «российского фактора» отныне становится одной из сторон ее геополитической реальности. И хотя впоследствии ей удалось в среднесрочной перспективе переломить ситуацию в Приамурье в свою пользу, Россия стала первым, и на долгое время единственным государством, с которым эта великая азиатская держава посчитала необходимым вступить в переговоры об урегулировании военного конфликта как с равным партнером.

Литература

1. Народы и религии Приамурья / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд. АмГУ, 2017. 424 с.
2. Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. 223 с.
3. Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 215 с.
4. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
5. Шведов В.Г., Махинов А.Н. Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век). Историко-географическая ретроспектива. М.: Академия естествознания, 2011. 214 с.
6. Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49.
7. Грамота из Сибирского приказа от имени царя и великого князя Алексея Михайловича Онуфрию Степанову от 15 марта 1655 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16027/16037/16185.html> (дата обращения: 23.01.2020).
8. Отписка Онуфрия Степанова якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому от 2–31 августа 1654 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://odynokiy.livejournal.com/3331773.html> (дата обращения: 23.01.2020).
9. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII век). М.: Наука, 1974. 246 с.
10. Отписка Онуфрия Степанова якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому от 4 апреля 1655 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://odynokiy.livejournal.com/3343404.html> (дата обращения: 24.01.2020).
11. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1983. Т. 2. 399 с.
12. Полевой Б.П. О местонахождении Ачанского городка // Советская археология. 1960. № 3. С. 328–333.
13. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 315 с.
14. Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока. Хабаровск: ХКИ, 1958. 175 с.
15. Расспросные речи в Енисейской приказной избе Артемия Петриловского с товарищами от 3 октября 1659 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://odynokiy.livejournal.com/3360324.html> (дата обращения: 24.01.2020).
16. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Хабаровск: ХКИ, 1997. 543 с.

References

1. Nations and religions of the Amur Region / Edited by A.P. Zabyiko. Blagoveshchensk: Publ. by AmSU, 2017. 424 p.
2. Okladnikov, A.P. Discovery of Siberia. Moscow: Molodaya gvardiya, 1979. 223 p.
3. Tugolukov, V.A. Rangers riding on reindeers. Moscow: Nauka, 1969. 215 p.
4. Shternberg, L.Ya. Gilyaks, Oroches, Golds, Negidals, Ainu. Khabrovsk: Dalgiz, 1933. 740 p.
5. Shvedov, V.G., Makhinov, A.N. Russian pioneering movement in the Amur region (XVII century). Historico-geographical retrospective. Moscow: Akademiya estestvoznaniya, 2011. 214 p.
6. Vershinin, E.V. Explorer Petr Ivanovich Beketov. *Russian (national) history*. 2003. N 5. P. 35–49.
7. Message from the Siberian Department on behalf of the Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich to Onufriy Stepanov of the 15th March, 1655. [Electronic resource]. Available at: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16027/16037/16185.html> (Access date: 23.01.2020).
8. Message of Onufriy Stepanov to Yakut governor Mikhail Ladyzhensky of the 2–31st August, 1654. [Electronic resource]. Available at: <https://odynokiy.livejournal.com/3331773.html> (Access date 23.01.2020).
9. Melikhov, G.V. The Manchus in the north-east (XVII century). Moscow: Nauka, 1974. 246 p.
10. Message of Onufriy Stepanov to Yakut governor Mikhail Ladyzhensky of the 4th April, 1655. [Electronic resource]. Available at: <https://odynokiy.livejournal.com/3343404.html> (Access date 24.01.2020).
11. Magidovich, I.P., Magidovich, V.I. Essays on the history of geographical discoveries. Moscow: Prosvshcheniye, 1983. V. II. 399 p.
12. Polevoi, B.P. On location of Achan town. *Soviet archaeology*. 1960. N 3. P. 328–333.
13. Melikhov, G.V. Manchuria, far and near. Moscow: Nauka, 1991. 315 p.

14. Ryabov, N.I., Shtein, M.G. Essays of the history of the Russian Far East. Khabarovsk: Publ. by KhKI, 1958. 175 p.
15. Minutes of interrogations in the Enisei's Government office by Artemiy Petrilovskiy with his companions of the 3rd October, 1659. [Electronic resource]. Available at: <https://odynokiy.livejournal.com/3360324.html> (Access date 24.01.2020).
16. Myasnikov, V.S. Approved by treaty articles. Khabarovsk: Publ. by KhKI, 1997. 543 p.